

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

К ПРОБЛЕМЕ ПРАРОДИНЫ НОСИТЕЛЕЙ РОДСТВЕННЫХ ДИАЛЕКТОВ И МЕТОДАМ ЕЕ УСТАНОВЛЕНИЯ

(По поводу статей И. М. Дьяконова в ВДИ, 1982, № 3 и 4)

В «Вестнике древней истории» появились статьи известного ученого-востоковеда, крупнейшего специалиста по истории и языкам древнего Востока И. М. Дьяконова¹, представляющие собой первый критический отклик на напечатанную нами ранее предварительную публикацию², излагающую выводы находящейся в печати в издательстве Тбилисского гос. университета нашей двухтомной монографии по реконструкции праиндоевропейского языка, праиндоевропейской культуры и определения путей миграций их носителей в исторические места расселения. Эти критические статьи содержат много интересных частных замечаний видного специалиста, которые авторы с благодарностью принимают.

В предшествующих специальных работах И. М. Дьяконова вопросы индоевропейской прародины и индоевропейских миграций по существу не затрагивались, а в еще совсем недавних общих курсах им излагались как традиционные точки зрения, помещавшие индоевропейскую прародину между Эльбой и Вислой, так и более близкие к точке зрения авторов³. После появления наших предварительных публикаций (отдельные суммарные положения работы печатались начиная с 1972 г.) у нашего оппонента появилась альтернативная точка зрения на ряд обсуждаемых в них вопросов и в первую очередь — на проблему индоевропейской прародины. При этом обращает на себя внимание то, что предлагаемая альтернатива решения проблемы индоевропейской прародины, помещаемой И. М. Дьяконовым в Балкано-Карпатском регионе, не представляет собой по существу нового решения, принципиально отличного от предлагаемого нами, а является одним из частных решений, предусмотренных нашей гипотезой об индоевропейской прародине, локализуемой в «сравнительно более южных областях Средиземноморья в широком смысле, включая Балканы и северную часть Ближнего Востока»⁴. Особенно кон-

¹ Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. — ВДИ, 1982, № 3 и № 4.

² Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным. — ВДИ, 1980, № 3 (далее сокращенно Д); *они же*. Миграции племен — носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии. — ВДИ, 1981, № 2 (далее сокращенно М).

³ Дьяконов И. М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития. — В кн.: История древнего мира. Ранняя древность. Отв. ред. И. М. Дьяконов. М.: Наука. 2-е изд. восточной лит-ры, 1982, с. 29—30. Ср. Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1968, с. 25—31.

⁴ Д, с. 9, ср. с. 10—11.

цептуально близкой к выдвинутой авторами гипотезе о переднеазиатской прародине вплоть до полного совпадения на определенном хронологическом уровне становится точка зрения И. М. Дьяконова, в соответствии с которой балкано-карпатская индоевропейская культура выводится из более древней малоазийской культуры Чатал-Хююка (II, с. 24, ср. I, с. 18—19)⁵. Заметим, что в наших работах (в том числе и в статье, с которой полемизирует И. М. Дьяконов⁶) халафская культура Северной Месопотамии V—IV тыс. до н. э. гипотетически связывается именно с более древней (VII—VI тыс. до н. э.) культурой Чатал-Хююка. В том варианте приурочения древнейшей индоевропейской культуры к Чатал-Хююку, который в настоящее время принимается и И. М. Дьяконовым, остается неясным, однако, характер миграций, приведший к полному переносу всей культуры и всех ее носителей⁷ на Балканы без сохранения каких бы то ни было их следов в Малой Азии (в противном случае гипотеза, теперь принимаемая в конце второй статьи И. М. Дьяконовым, парадоксальным образом совпала бы с той самой точкой зрения авторов, против которой он возражает).

Выделение широкого ареала от Балкан до Ирана и Южной Туркмении в качестве возможного региона, в пределах которого могла быть локализована на определенной компактной территории индоевропейская прародина⁸, основывается главным образом на реконструируемом нами общиндоевропейском лексическом материале в сопоставлении с экологическими, палеоботаническими, палеозоологическими, археологическими и культурно-историческими данными, что и составляет основное содержание второго тома нашей книги. Применяемый в ней метод лексико-семантической реконструкции позволяет восстановить для древних индоевропейцев довольно высокую по тому времени материальную и духовную культуру, сопоставимую типологически с культурой древнеближневосточного ареала. В этом мы видим основной результат второй части нашей работы. Этот метод лексико-семантической реконструкции культуры, который можно охарактеризовать как лингвистическую палеонтологию

⁵ Здесь и далее сокращение I в скобках относится к статье: Дьяконов. О прародине... — ВДИ, 1982, № 3, II — ВДИ, 1982, № 4.

⁶ Д, с. 24.

⁷ Именно против допущения миграций такого характера в других случаях решительно возражает сам И. М. Дьяконов. Он ставит ряд вопросов (например, «Что представляли собой эти миграции? Переселение народов с детьми, женами, обозами и имуществом? Как кормили скот по дороге? Было ли это переселение военным или мирным? Что и кого встречали переселенцы — пустое пространство или другие народы? Оказывали ли эти народы сопротивление переселенцам? Что с ними стало дальше?» и т. д., II, с. 17), которые представляются вполне разумными, но вызывает недоумение, почему эти вопросы обращены именно к нам, в то время как в наших статьях (и особенно в книге) детально разбираются (в том числе в теоретическом плане) проблемы миграций, которые на протяжении десятилетий находились в нашей стране по разным причинам вне поля зрения исследователей. Для нашей работы особенно важным представлялось различие миграций языков (диалектов) и миграций их носителей, на что против всякого ожидания не было обращено внимание нашим оппонентом.

⁸ Для праязыкового единства следует предполагать не обширную территорию распространения, какую обычно занимают происшедшие от такого праязыка диалекты в историческую эпоху, а именно компактные ареалы, с которых начинается в определенное время диффузия родственных диалектов. Хорошей моделью подобного типа диффузии родственных диалектов с первоначальной компактной территории, являющейся своего рода «прародиной» для изначальных носителей этих диалектов, может послужить пример распространения латинского языка (в форме родственных романских языков, для которых латинский представляется в определенном смысле исторически засвидетельствованным праязыком) с ограниченной первоначальной территории в Лациуме — небольшой провинции на Апеннинском полуострове — на обширных территориях европейского и позднее американского континентов. В этом смысле для праиндоевропейского языка следует установить именно такой компактный ареал первоначального распространения, локализуемый в пределах устанавливаемого нами более широкого ареала. Тем самым снимаются все трудности, которые могли бы возникнуть с точки зрения территориальных взаимоотношений носителей праиндоевропейского языка с другими племенами и народами в пределах устанавливаемого для него ареала распространения.

культуры, был намечен еще на заре сравнительно-исторического языкознания, но был в дальнейшем оттеснен методами синхронного анализа в языкознании и культурной антропологии. Возрастание в науке последних десятилетий интереса к эволюционному и динамическому подходу к явлениям природы и общества позволило обратиться уже на новых методологических основаниях к диахроническим аспектам в лингвистике и культурной антропологии. Вторая часть нашей книги, представляющая собой одновременно лексико-семантический и этимологический словарь индоевропейского языка, восстанавливающий общую картину материальной и духовной культуры племен — носителей этого языка и его ранних диалектов, и является по своему замыслу отражением этих тенденций современной науки. По-видимому, этот замысел в какой-то степени удалось осуществить, если даже критики нашей концепции принимают некоторые ее основные положения. Так, И. М. Дьяконов пишет буквально следующее: «Термины для основных сельскохозяйственных работ, культур и орудий, а также многих домашних животных, отличаемых от их диких родичей, действительно (если речь идет о IV, может быть, даже V тыс. до н. э.) приведут нас к „южной территории, простирающейся от Балкан до Ирана“. Авторы доказали существование индоевропейской прародины примерно в IV тыс. до н. э. где-то на этой именно территории. Они правы и тогда, когда говорят, что праиндоевропейское общество по всему комплексу характеризующих его признаков культуры и социально-экономического строя „относится к кругу древневосточных цивилизаций“ (I, с. 15).

В свете проделанной нами работы и полученных выводов, не вызывающих возражений и у И. М. Дьяконова, казалось бы, можно было, исходя из типологии индоевропейской культуры и возможного ареала ее распространения, выбрать какой-либо более узкий, в частности древнебалканский ареал, в пределах намеченного нами более широкого — от Балкан до Ирана и Южной Туркмении, тем более что культура Балкан, судя по обнаруженной там древней археологической культуре, характеризующейся и наличием письменности, типологически близка к культурам древнего Ближнего Востока.

Почему тем не менее авторы настоящей гипотезы исключают Балканы, культура которых в сопоставлении с реконструируемой индоевропейской рассматривается в нашей работе, из первоначальной исходной территории расселения индоевропейских племен? Исключение Балкан в окончательных выводах в качестве индоевропейской прародины диктуется рядом аргументов, прежде всего языкового, а также культурно-исторического характера. Именно эти языковые факты — наличие заимствованной лексики, объединяющей праиндоевропейский с прасемитским и пракартвельским, а также и с некоторыми другими языками Передней Азии (свидетельствующей об историческом контактировании этих языковых систем в ареале древней Передней Азии), — и отвергаются И. М. Дьяконовым. Тем самым достигается возможность «остаться» в пределах Балкан, отведя все те данные, которые указывают на локализацию индоевропейской прародины в определенном ареале Передней Азии. В частности, И. М. Дьяконов проявляет исключительный гиперкритицизм при оценке семитско-индоевропейских и картвельско-индоевропейских лексических соотношений, диктуемый, очевидно, стремлением остаться в пределах лишь одной из намечаемых нами возможностей, которая превращается в основу для даваемой им оценки всех аспектов индоевропейской проблемы, как лингвистических, так и культурно-исторических.

Как же иначе расценить нежелание признать общность происхождения в результате исторических контактов таких, к примеру, лексем, как и.-е. *r^helek^hu- ‘топор, секира’ (греко-арийская изоглосса) с сем. *r^hlq ‘раскалывать, рубить, зарубить’; ‘топор’, аккад. pilaqqu ‘топор’, pul-luqu(m) ‘убивать, зарубить’, сир. pelqā, манд. pīlqā, араб. falaqa ‘рас-

щеплять, раскалывать'⁹ или и.-е. *Hast^[h]er- 'звезда' и сем. attar- 'обо-
жественная звезда', 'Венера'.

В общелингвистической теории заимствований давно уже установлено, что при заимствовании из одного языка в другой не происходит точного воспроизведения значения и звучания заимствованного слова, которое часто преобразуется под влиянием системы заимствующего языка и соответствующих культурно-исторических условий. Связь значений 'звезда' ~ 'обожественная (утренняя) звезда' настолько естественна при заимствовании, что эти семантические различия не должны были бы служить, как нам кажется, основанием для отрицания исторической связи этих слов (при полном их формальном тождестве) со стороны автора, известного своими довольно смелыми афразийскими сопоставлениями слов с иногда чрезвычайно отдаленными значениями и звуковыми соотношениями. Во всяком случае, за рассматриваемые в наших статьях семито-индоевропейские и картвельско-индоевропейские сопоставления можно привести столько же, если не больше, формальных и содержательных аргументов, сколько автор критической статьи приводит аргументов против¹⁰. Но даже

⁹ Аккад. pilaqqu 'топор' следует рассматривать как собственно семитское образование, увязываемое с корнем *pīq в значении 'расщеплять, рубить'; отсюда слово для 'топора' в разных семитских языках. Омофоничное данной форме слово pillaqq/kku 'веретено' является, возможно, шумерским заимствованием (ср. *Soden W. Akkadisches Handwörterbuch*. В. I—III. Wiesbaden, 1965—1981).

¹⁰ В качестве примера ограничимся только ответом на некоторые замечания И. М. Дьяконова. И.-е. *Hant^h- 'растение, употребляемое в пищу' (это значение, оспариваемое И. М. Дьяконовым, подтверждается др.-инд. andha- 'растение, из которого получали сому', греч. ἀνθινος εἶδος 'растительная пища, лотос') сопоставляется нами с сем. *hant- (ж. р. hant-at-) 'пшеница, злаки'. По поводу этого сопоставления И. М. Дьяконов пишет: «Здесь несколько неточностей. Есть общеафразийская *hit-/hitt- 'сведобный злак, дикая однозернянка', откуда позднее сем. hant- (с диссимилиацией), ж. р. hant-at- 'пшеница'» (I, с. 23). В свою очередь мы могли бы указать нашему оппоненту на неточность, усомнившись в правильности реконструируемой им общеафразийской формы, откуда якобы позднее возникает сем. *hant- вследствие диссимилиации. Дело в том, что исторические формы этого слова: аккад. (вав.) uttetu 'ячменное зерно', угар. hnt 'пшеница', др.-евр. hitta, араб. hitt^{ta} 'пшеница' возникают в результате закономерной для семитского ассимиляции nt > tt (ср. араб. hanta 'пшеница', южно-арав. сокотри hanteh, мехри heyt 'пшеница'), а не диссимилиации tt > nt (этот процесс не характерен для арабского, как это предпологает И. М. Дьяконов, исходя из недостаточно обоснованных общеафразийских построений); сходные соображения не позволяют нам принять для общесемитского и фонему *č, из которой якобы позднее развивается сем. *th > t, что, по мнению И. М. Дьяконова, служит препятствием для допущения заимствования семитского названия 'быка' *tawr- (по И. М. Дьяконову *čur!) И.-е. b^[h]ar(s)- 'зерно, крупа' сопоставляется нами с сем. *barr-/*burg- 'обмолоченное зерно'. Вопреки возражениям И. М. Дьяконова это слово в значении 'зерно' следует считать наличествующим уже в общесемитском (что отмечает и П. Фронцароли: *Fronzaroli P. Studi sul lessico comune semitico*. — *Accademia Nazionale dei Lincei. Rendiconti della classe di scienze morale, storiche e filologiche*, 1969, ser. VIII, v. XXIV, pt. 7—12, p. 296), ср. др.-евр. bar 'обмолоченное зерно', араб. burr- 'пшеница', южно-арав. сокотри bor, мехри barr 'зерно, пшеница'. И.-е. t^har^[h]- 'жертвоприношение; ритуальная пища, приносимая божеству' (лат. daps 'пришественные яства', 'культовая трапеза', Juppiter Dapalis 'Юпитер, которому посвящается торжественная трапеза', тох. A tāpal 'то, что должно быть съедено, пища', tāp- 'есть', хет. Lu tarra-la- 'должностное лицо, связанное с придворной кухней'; арм. taw 'праздество', др.-исл. tafn 'жертвенное животное, жертвенная пища') сопоставляется с семитской глагольной основой *-dhal 'приносить в жертву, закалывать' и именной формой от того же корня *dibh- 'жертва, жертвенное животное'. Семантика и фонетический состав сопоставляемых слов настолько близки, что нет серьезных оснований усомниться в их соотносительности: возведение *d к архетипу *ž (I, с. 21) во всяком случае могло быть в другой хронологической плоскости. И.-е. k^[h]w rei- 'покупать, торговать' сопоставляется с семитским корнем *k-r-j 'торговать', представленным не только в древнееврейском и арабском, но и в южноаравийском, и поэтому едва ли справедливо утверждение (I, с. 21), что этот глагол имеет «очень узкое распространение» в семитском. Что же касается признака лабиализации в индоевропейской форме, он не может служить препятствием для соотнесения этих форм, тем более что в самом индоевропейском лабиализованные и нелабиализованные могли чередоваться: и.-е. *med^[h]- 'мед, медовый напиток': сем. *mvtk- 'сладкий'. Семит-

если ограничиться теми формами, связь которых И. М. Дьяконов допускает (шум. *urudu* 'медь': и.-е. **reud^hl-*, сем. **lawr-* 'бык': и.-е. **t^hlaur-*, сем. **qarn-* 'рог': и.-е. **k^hlr-n-*, сем. **gadj-* 'козленок': и.-е. **g^hlajt'*, сем. **wajn-* 'вино'; и.-е. **ue/ojn-*), то и их достаточно, чтобы заставить предположить наличие определенных исторических контактов между этими языками. Ссылка на какой-то неопределенный «общий третий источник» (I, с. 25), конечно, не может спасти положения.

Еще большее сходство как в лексическом, так и в структурно-типологическом плане обнаруживает праиндоевропейский язык с пракартвельским (южнокавказским). Объяснение всех этих далеко идущих лексических соотношений «предязыковым единством» праиндоевропейцев и пракартвелов где-то в районе Чатал-Хююка (I, с. 18—19) и «коллатеральным родством» между обоими праязыками требовало бы установления строгих фонемных соотношений и реконструкции праязыковых форм отдельно только для этих двух праязыковых систем, что на данном этапе не осуществлено ¹¹.

Вместе с тем в статье И. М. Дьяконова предлагается и альтернативное объяснение индоевропейско-картвельских сходжений заимствованиями, для которых им построена таблица перехода от индоевропейского к картвельскому (I, с. 19). Эта таблица, однако, не всегда отвечает приводимым фактам, поскольку есть формы, где индоевропейские глоттализованные соотносятся именно с глоттализованными в картвельском, ср. картв. **k'b-en-/k'b-in-* 'кусать', **k'b-il-* 'зуб' при и.-е. **k'eb^hl-/k'er^hl* 'челюсть; рот', **k'emb^hl-* 'кусать', **k'omb^hl-* 'зуб'.

Что же касается типологического сходства в морфонологической структуре картвельского и индоевропейского, оно рассматривается в специальной литературе именно как проявление контактных связей между этими языковыми системами в пределах общего культурного ареала, а не как отражение их генетического родства. Показ генетического родства между различными языками предполагает другой характер связей, чем те, которые устанавливаются нами между картвельским и индоевропейским.

Если бы дело обстояло именно таким образом, как предполагает И. М. Дьяконов, т. е. было бы достаточно лингвистических данных для утверждения о первоначальном единстве индоевропейского и картвельского, то авторы этих строк сделали бы это раньше, тем более что такой тезис еще более укрепляет положение о первоначальном нахождении собственно индоевропейской системы и картвельской именно в пределах Северной Передней Азии, а не на обширных просторах Евразийского континента.

Особую группу лексем составляют индоевропейские формы, связываемые с формами древнеближневосточных языков — хаттским, шумерским, египетским, эламским, хуррито-урартским. Из индоевропейско-хаттских сопоставлений достаточно напомнить такие, как и.-е. **p^hars-/p^hart'* —

ский комплекс **-tk-*, не соответствовавший индоевропейским комбинациям фонем, мог быть передан одной индоевропейской звонкой фонемой **-d^h-*. В отличие от собственно индоевропейского названия 'меда' *mel(-it)* заимствованное семитское слово в значении 'сладкий' стало обозначать 'сладкий пьянящий напиток'.

¹¹ Но даже если встать на точку зрения И. М. Дьяконова и допустить первоначальное единство только для пракартвельского и праиндоевропейского, то хронология Чатал-Хююка (не ранее VIII—VII тыс. до н. э.) не дает возможности соотнести именно эту культуру с предполагаемой индоевропейско-картвельской общностью в Чатал-Хююке. Но принятие общности пракартвельского и праиндоевропейского тем более требовало бы признания древней Передней Азии ее ареалом и как следствие этого — пребывания индоевропейцев в Передней Азии после распада такого предполагаемого единства. Логичней было бы с точки зрения нашего оппонента отрицать всякие картвело-индоевропейские лексические связи, объявив их «сиреной созвучия», как это делается И. М. Дьяконовым в случае индоевропейско-семитских лексических связей, и тогда все встреченные оппонентом непреодолимые трудности, связанные с территориальной распространения этих языковых систем, были бы сразу удалены.

‘барс, леопард’: хат. (h̥a)-pars- ‘барс’; и.-е. *ai- ‘давать’¹²: хат. aja-/iia-/ia- ‘давать’, хат. ugai- ‘источник’: и.-е. *ueg- ‘вода’.

Для характера возражений против приводимых нами индоевропейско-древневосточных сопоставлений весьма характерна оценка, даваемая оппонентом индоевропейско-эламским параллелям. Такие явные индоевропейизмы в эламском, как ta- ‘ставить’, tatta- ‘поставить’, на одной странице его статьи (I, с. 27) получают три различных объяснения (понадобившиеся, по-видимому, для того, чтобы не признать их заимствованием из индоевропейского): это могут быть, по И. М. Дьяконову, либо случайно созвучные с индоевропейскими слова, которые можно подобрать в любом языке, либо слова, восходящие в конечном счете к языку кроманьонцев (I, с. 27, прим. 50), либо проявление распространенного «во множестве языков» словообразовательного приема, который по непонятным нам причинам не следует сопоставлять с индоевропейской редупликацией (этой точке зрения противоречит то, что семантика ‘ставить’, вообще говоря, не обнаруживает тенденции к редупликации).

Особо выделяются индоевропейско-шумерские и индоевропейско-египетские лексические соотношения. Эти лексические связи имеют особое значение для выявления древнейших контактов праиндоевропейского с языками древнеближневосточного ареала. Например, и.-е. k^ou- ‘бык’: шум. gu(d) ‘бык’ (егип. ng]zw ‘вид больших быков’) — формы, фонетическая близость которых, включая и египетскую, представляется довольно показательной. Критические замечания И. М. Дьяконова в данном случае ограничиваются ссылкой на «отсутствие вероятных контактов» (I, с. 26), т. е. априорным допущением точки зрения, обратной той, которую мы и иллюстрируем этим сопоставлением.

Особо показательно шумерское название ‘лошади’ sí-sí, проявляющее явную связь с индоевропейским названием лошади *(s)ek^[h]uo- с уже ассимилированной палатализованной фонемой, что хронологически вполне вероятно, учитывая большую древность процесса палатализации в индоевропейских диалектах. Лаконичное суждение И. М. Дьяконова об отсутствии фонетического сходства (I, с. 26) здесь, как и в других случаях, требовало бы эксплицитной формулировки фонетического сходства или различия.

И.-е. ak’ro- ‘поле, нива’: шум. a. gár ‘орошаемая территория, нива’¹³; и.-е. d^[h]ueg- ‘двор; дверь’: шум. tûr ‘двор; скотный двор, загон для скота’ вызывают у И. М. Дьяконова (I, с. 26) вопросы о причинах заимствования, но эти вопросы сами по себе не могут быть аргументами против допущения заимствования. Объяснения же причин заимствования могут быть различными, в том числе и культурно-историческими.

И.-е. *Nek^[h]wug ‘вершина горы’: шум. kur ‘гора, горная страна’. «Недоумение» И. М. Дьяконова (I, с. 26) относительно этого сопоставления остается риторическим вопросом, поскольку он ничем не подкрепляет свои сомнения.

Мало мотивированное лингвистически недоумение или даже «отчаяние» (II, с. 23, ср. с. 19—20) вызывает у И. М. Дьяконова приводимое нами указание на возможную связь имени древнемесопотамского героя Гильгамеша с именем киклопа Полифема (которое в греческой мифологии

¹² Вызывает недоумение гневный пассаж И. М. Дьяконова по поводу этого сопоставления, который основан на недоразумении; слово в индоевропейском означало не ‘делать’, а ‘давать’ (в этом значении слово попадает в хаттский язык); тохарский, как должно быть ясно из текста нашей статьи, приводится как источник для индоевропейской реконструкции. Поэтому неуместны (и лингвистически несостоятельны) ссылки на хронологию тохарского и на «хрестоматийный пример» случайных созвучий (I, с. 27).

¹³ Что касается выпадения гласного *-а- между согласными в *ak^o-, оно неизбежно возникает при присоединении к индоевропейской основе следующего тематического гласного, что является основным принципом построения индоевропейских основ.

носит и мирный пастух, а также участник похода аргонавтов). Это сопоставление, принадлежащее К. Обенхуберу¹⁴, не является существенным моментом для нашей концепции и приводится лишь в качестве одной из многих иллюстраций связей греческой мифологии с переднеазиатской. Толкование К. Обенхубером имени *polyphēmos* из **balagh^{hw}amos*, в свою очередь связанного, вероятно, с шумерским, представляется нам более вероятным, чем народная этимология имени Полифема ('много-говорящий'), которой придерживается И. М. Дьяконов. Возможность связи в различных мифологиях одного и того же наименования то с божественным героем, то со злым великаном-чудовищем является достаточно распространенной и не требует специальных обоснований.

Из египетско-индоевропейских лексических сходжений особенно показательны и.-е. **b^hleǵ-* 'пчела': егип. *bj.t.* 'пчела'. Нежелание И. М. Дьяконова признать явное совпадение этих слов по форме и семантике мотивируется тем, что в индоевропейском это слово обнаруживается в «североевропейских» языках (I, с. 22; точнее было бы сказать «древнеевропейских»). В книге нами обосновывается общеиндоевропейский характер этой лексемы, сохранившийся благодаря ряду табуистических замен лишь в определенной группе индоевропейских диалектов. Обнаружение этого слова, совпадающего с египетским, именно в «древнеевропейских» диалектах весьма характерно для первоначальной локализации этих диалектов в древнеближневосточном ареале в пределах общеиндоевропейского единства с последующей их миграцией через Среднюю Азию в западном направлении. Слово могло сохраниться на всем протяжении миграций, поскольку область миграций находилась в пределах древней зоны пчеловодства.

Из слов, общих у индоевропейского с хуррито-урартским, И. М. Дьяконов принимает (хотя и с оговорками) некоторые из рассмотренных в нашей статье. Прежде всего следует отметить несомненный индоевропейский характер таких хуррито-урартских форм, как *ag-* 'вести': и.-е. *ak'*-, хурр. *ašš-* 'сидеть', урарт. *aš-* 'посадить': и.-е. **es-* 'сидеть, садиться'¹⁵; урарт. *paṛi/e* 'до, к': и.-е. *pr^hǵi* (служебное слово — предлог, а также послелог¹⁶). Относительно других урартских форм типа *burg-ana-* 'крепость' И. М. Дьяконов ссылается на возможность параллели и в северо-восточнокавказском (I, с. 28), что не противоречит принимаемой нами точке зрения, поскольку в северокавказском обнаруживается ряд слов индоевропейского происхождения, часть которых разбирается в нашей работе. Вызывает недоумение то, что сам И. М. Дьяконов в свое время допускал возможность заимствования в хуррито-урартский из «хеттско-анатолийского или общеиндоевропейского» таких слов, как урарт. *paṛa-*, *at-*, *burg-ana-*, *gunuša* и др.¹⁷ Теперь же, видимо, сыграло свою роль известное негативное отношение И. М. Дьяконова к тезису о присутствии индоевропейцев, в частности индоарийцев, в Передней Азии и их роли на древнем Ближнем Востоке. Поддерживая гиперкритические выступления А. Кам-

¹⁴ Согласно этимологии Обенхубера, шум. *bilga-mes* было воспринято как **balagh^{hw}amos* > *polyphēmos*, но никак не предполагалось возведение шумерского *к* «индоевропейскому архетипу», что ошибочно предполагает И. М. Дьяконов (II, с. 19); см. *Obenhuber K.* *Der Kyplop Polyphem in altorientalischer Sicht.* — In: *Antiquitates Indogermanicae. Gedenkschrift für H. Güntert.* Innsbruck, 1974, S. 147—153.

¹⁵ Сомнения И. М. Дьяконова (I, с. 27) относительно хронологии этой формы на том основании, что в общепанатолийском должно было быть **es-*, не обоснованы, так как в хетто-лувийском предполагается именно форма с чередованием **es-/*as-*, и в самом общеиндоевропейском при каждом корне с огласовкой **e* возможна форма с огласовкой **o*.

¹⁶ Нет достаточных оснований связывать эту урартскую форму именно с анатолийским, как предполагает И. М. Дьяконов (I, с. 27); форма **pr^hǵi* в этой функции является общеиндоевропейской и могла быть заимствована либо из общеиндоевропейского, либо из какого-либо его древнего диалекта.

¹⁷ *Diakonoff I. M.* *Hurrisch und Urartäisch.* München, 1971, S. 82.

менхубер против этого тезиса¹⁸, И. М. Дьяконов назвал это положение «мифом» о присутствии индоариев на Ближнем Востоке¹⁹. Однако дальнейшие исследования и в первую очередь крупнейшего индолога-индоевропеиста М. Майрхофера и ряда других ученых²⁰ показали несостоятельность такого скепсиса в отношении присутствия индоариев на Ближнем Востоке, где в середине II тыс. до н. э. обнаруживаются совершенно явные их следы в богатом ономастическом и лексическом материале, недвусмысленно отождествляемом с индоарийскими языками.

Присутствие индоевропейского этноса на древнем Ближнем Востоке уже в древнейшее время и значительно раньше индоариев подтверждается и целым рядом культурно-исторических и археологических материалов, которые игнорируются И. М. Дьяконовым. В этом отношении особенно показательным можно считать наряду с другими материалами обнаружение остатков одомашненных лошадей в Центральной и Восточной Анатолии (Демирчи-Хююк, Ярыккайя, Норсун-Тепе), датированных концом IV тыс. до н. э. и связываемых с индоевропейским этносом²¹. А между тем И. М. Дьяконов пишет о лошади следующее: «Анализ костных остатков на Коруджу-тепе (Армянское нагорье) показывает отсутствие лошади и преобладание коз и овец в IV и III тыс. до н. э. Лошадь (только как животное для военных нужд) появляется во II тыс. до н. э.» (I, с. 17). Следует ли из этого, что лошадь отсутствовала на всей этой территории, в частности в Центральной Анатолии, где присутствие ее обнаружено многими археологическими экспедициями последних лет? Ведь известно, что негативные свидетельства ничего не доказывают и не опровергают. Костные остатки могли в каких-либо местах не сохраниться или не быть найдены. Очевидно, что негативные свидетельства не имеют доказательной силы, тогда как обнаружение древних следов некоторого явления весьма показательны.

В этой связи следует указать и другому оппоненту Л. А. Лелекову, что отсутствие в наборе реконструируемых названий деревьев 'кедра', 'самшита' и 'кипариса'²², если это считать (как он полагает) аргументом против приурочения индоевропейской прародины к южным областям, и в частности к Передней Азии, исключило бы отнесение к этим областям и общесемитского языка, для которого не восстанавливаются названия ни 'кедра', ни 'самшита', ни 'кипариса'. Между тем приурочение семитской общности к тем ареалам, где были распространены эти деревья, не вызывает ни у кого сомнений. Не учитывает особенностей сложных и непрямолинейных взаимосвязей экологической среды с системами представлений и утверждение Л. А. Лелекова (ук. соч., с. 33) о том, что «уроженцы» Передней Азии «непрерывно обожествили бы не только дуб, но и кедр, кипарис, самшит». Между тем, как это хорошо известно из древних мифологий народов Передней Азии исторического периода, перечисленные деревья вовсе не составляли предмет обожествления и не возводились в ранг высших мифологических ценностей.

Что же касается 'березы', которой Л. А. Лелеков, в этом солидаризирующийся с И. М. Дьяконовым, придает большое значение, здесь оба наши оппонента не учли новейших данных палеоботаники о распространении березы и ее названий. Палинологическим анализом установлено, что в Северном Прикаспии береза (как и вяз) имела в эпоху бронзы. В последних работах В. С. Волковой, В. А. Беловой, С. А. Архиповой, Т. П. Левиной, В. А. Панычевой существенно уточнены и данные о рас-

¹⁸ *Kammenhuber A. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968.*

¹⁹ *Дьяконов И. М. Арийцы в Передней Азии — конец мифа. — ВДИ, 1970, № 4.*

²⁰ *Mayrhofer M. Die Arier im Vorderen Orient — ein Mythos? — Österreichische Akademie der Wissenschaften. Wien, 1974.*

²¹ *См. Mellaart J. Anatolia and the Indo-Europeans. — The Journal of Indo-European Studies, 1981, v. 9, № 1, p. 261—289.*

²² *Лелеков Л. А. К новейшему решению индоевропейской проблемы. — ВДИ, 1982, № 3, с. 33.*

пространении широколиственных пород деревьев (вяза и липы) в Центральной Евразии: начиная со среднего голоцена эти породы деревьев были распространены значительно восточнее, чем предполагалось ранее исследователями, которые считали Урал восточной границей их распространения. Современные исследования древних климатических изменений в Евразии показали, что во время теплого атлантического климатического периода при нарастании температуры, характерном для первой половины послеледниковья, широколиственные породы проникли далеко на Восток²³. Палеоботанические и палеоклиматологические работы имеют особое значение потому, что по отношению к раннему неолиту выявлены четкие корреляции между распространением широколиственных лесов в конце атлантического периода (IV—III тыс. до н. э.), создававших благоприятные условия для добывания пищи, и ареалами раннеолитических культур племен лесной зоны.

С лингвистической точки зрения показательно, что названия березы и вяза, восходящие к финно-угорским, были сохранены в венгерском при миграции его носителей из Центральной Азии (возможно из района между Нижней Волгой и Аральским морем). Поскольку направление миграций совпадает с предшествующими миграциями, предполагаемыми для носителей индоевропейских диалектов «древнеевропейской» группы, уже одного сопоставления с венгерским достаточно для опровержения тех контраргументов, которые были выдвинуты в связи с названием «березы» против предложенной нами гипотезы.

Предлагаемая в нашем исследовании гипотеза о первоначальной территории распространения общеиндоевропейского языка, определяемая ареалом Передней Азии и, в частности, регионом на стыке юго-восточной части Малой Азии и Северной Месопотамии примерно в сфере распространения халафской археологической культуры V тыс. до н. э., находит, как нам кажется, все более явные подтверждения в свете вновь открываемых археологических и культурно-исторических фактов.

Халафская археологическая культура, согласно раскопкам последних лет, характеризуется и ритуалом трупосожжения, что является одним из основных отличительных признаков индоевропейского погребального обряда.

Не только в предполагаемом ареале распространения общеиндоевропейской культуры, соотносимом в пространственно-временном измерении с халафской археологической культурой, но и на промежуточных территориях, через которые могли осуществляться предполагаемые миграции носителей индоевропейских диалектов, обнаруживаются опубликованные в последнее время археологические, языковые и культурно-исторические факты, которые могут быть истолкованы как подтверждение предполагаемых траекторий движения этих диалектов. В этом отношении интересный материал можно найти в сборнике трудов симпозиума по этническим проблемам истории Центральной Азии в древности. Особый интерес в этом сборнике вызывает статья Я. Харматты, который и ранее занимался проблемой индоевропейской прародины. Я. Харматта в своей статье²⁴, где, как и в работе В. И. Абаева²⁵, дается хронологическая стратификация иранских заимствований в угро-финских и других языках, останавливается на ряде индоевропейско-северокавказских лексических связей, которые

²³ *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата: К X конгрессу INQUA (Великобритания, 1977). М.: Наука, 1977; ср. Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет (Атлас-монография). Под ред. И. П. Герасимова, А. А. Величко. М.: Наука, 1982, рис. 71, с. 121—123, карта 9 и др.

²⁴ *Harmatta J.* Proto-Iranians and Proto-Indians in Central Asia in the 2nd millennium B. C. (Linguistic evidence). — В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981, с. 75—83.

²⁵ *Абаев В. И.* Доистория индоиранцев в свете ариоуральских языковых контактов. — Там же, с. 84—89.

истолковываются им как «праиранские», свидетельствующие о наличии ранних контактов (около 4000 лет до н. э.) между «протоиранцами» и носителями северокавказских языков. Подобные факты могли бы быть приведены в соответствие и с принимаемым нами предположением о движении индоиранских племен из Передней Азии через Закавказье на Северный Кавказ. Противоположной точки зрения относительно траектории движения индоиранцев не с юга на север, а с севера на юг через Закавказье придерживаются в опубликованных в последнее время работах, в частности, такие ученые, как Р. Гиришман²⁶ и Х. Томас²⁷. Эта траектория движения индоиранцев в области Передней Азии предполагает в качестве ареала распространения общеиндоевропейского языка территорию Северного Причерноморья и низовьев Волги с последующим проникновением индоариев и иранцев в Переднюю Азию через Закавказье при дальнейшем движении их с запада на восток на территории их исторического расселения. Именно движение с запада на восток в исторические места их расселения предполагается и нами в свете излагаемой гипотезы о первоначальной территории индоевропейской прародины в пределах Передней Азии. В этом смысле наша гипотеза и гипотезы Гиришмана и Томаса в равной степени противопоставляются точке зрения о проникновении индоариев и иранцев в исторические места их расселения с севера из ареала Средней Азии. В последнее время против этой точки зрения были приведены дополнительные археологические аргументы²⁸.

Эти аргументы наряду с лингвистическими и культурно-историческими указывают скорее на движение ираноязычных племен в Среднюю Азию с юго-запада на север (что подтверждается и последующими миграциями иранцев вплоть до исторического времени), а не в обратном направлении — из Средней Азии в исторические места их расселения на Иранском плоскогорье и соседних ареалах.

Именно этой последней точки зрения на проникновение индоиранских племен с севера из Средней Азии, что противоречит всему комплексу лингвистических и культурно-исторических данных, придерживается И. М. Дьяконов в своей критической статье. Приводимый И. М. Дьяконовым «аргумент березы», как было отмечено выше, совместим и с альтернативным положением о движении индоиранцев именно из Передней Азии (где береза засвидетельствована палеоботанически) в восточном направлении²⁹. Поэтому «аргумент березы» не может быть однозначно использован для доказательства движения индоиранцев с севера, из Средней Азии.

В своей аргументации И. М. Дьяконов исходит из тезиса о том, что для сохранения определенного слова объект, обозначаемый этим словом, должен обязательно наличествовать на всем протяжении пути исторических миграций соответствующих племен. Но такая предпосылка, используемая И. М. Дьяконовым и в его возражениях против общей картины движений носителей «древнеевропейских» диалектов через Среднюю Азию, сама нуждается в обосновании и показе ее на конкретном языковом материале. Между тем исторические примеры

²⁶ Гиришман Р. Иран и миграции индоарийцев и иранцев. — В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности, с. 140—144.

²⁷ Thomas H.-L. Archaeological Evidence for Migrations of the Indo-Europeans. — In: The Indo-Europeans in the Fourth and Third Millennia. Ed. by E. C. Polomé, Ann Arbor, 1982, p. 61—86.

²⁸ Ср. Гиришман. Ук. соч.; Сарцианиди В. И. Древняя Бактрия: новые аспекты старой проблемы. — В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности, с. 180—191.

²⁹ Такое движение индоиранских племен подтверждается и целым рядом факторов другого порядка — биолого-антропологических. В свете установленных в самое последнее время иммунологических и краниологических данных исключаются в принципе пути движения индоарийских племен в Индостан из регионов вне пределов Передней Азии. В рамках этой статьи нет возможности подробнее разбирать этот вопрос, являющийся весьма весомым аргументом в пользу излагаемой нами в монографии гипотезы о путях миграций индоиранских племен.

свидетельствуют о необязательной правильности этого тезиса в каждом конкретном случае. Это объясняется с точки зрения теории языка тем, что языковой знак необязательно должен сочетаться с денотатом как с реально существующим объектом, а может соотноситься в принципе с «означаемым», не имеющим денотата в виде конкретного объекта. То, что «древне-европейские» языки сохранили название березы при миграциях из Передней Азии в Европу, вовсе не может служить аргументом против такого пути миграций, поскольку слово для березы, уже существовавшее в языке, могло сохраниться и в промежуточный период нахождения носителей языка на других территориях. В таких случаях слова или сохраняют прежнее значение, чему может способствовать сохранение фольклорных, в частности мифологических, текстов, включающих данные слова, или же приобретают новое значение в зависимости от экологической среды (многочисленные примеры такого развития приведены в нашей книге при рассмотрении индоевропейских названий растений и животных). В этой связи небезынтересно коснуться названия «бобра» в иранских языках. Характерно, что в тексте «Авесты», создание которой обычно относят к Средней Азии, сохранены мифологические представления о роли бобра как священного животного богини Анахиты, хотя бобер как реальное животное на берегах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи отсутствовал³⁰. Это лишний раз свидетельствует о том, с какой осторожностью следует подходить к излишне прямолинейному толкованию связи слова с денотатом и построению только на этом основании (без учета всех других культурно-исторических факторов) выводов, связанных с установлением путей миграций носителей определенных диалектов.

Можно отметить, что И. М. Дьяконов, в последние годы начавший использовать методы определения первоначальной территории по лексическим данным применительно к «афразийской прародине»³¹, отошел от не критически принимавшейся им ранее северо-европейской «буково-лососевой» прародины индоевропейцев и в настоящее время отстаивает тезис о «балканской» их прародине, тем самым приближаясь, как было отмечено выше, к нашей точке зрения. Но мы исключаем Балканы как возможную прародину индоевропейцев не только ввиду наличия рассмотренных выше индоевропейско-семитских, индоевропейско-картвельских и индоевропейско-древневосточных языковых связей, указывающих скорее на локализацию такого региона значительно восточнее Балкан, но и по ряду других культурно-исторических и лингво-географических факторов.

Прежде всего следует принять во внимание археологические устанавливаемые траектории исторического движения древнебалканской культуры: они ориентированы главным образом в южном направлении. После гибели древнебалканской культуры (распространенной в ареале от современной Венгрии на западе до Днестра на востоке в IV тыс. до н. э.) ее продолжение (в частности, в металлургии и в системах письменных знаков) обнаруживается на юге Балкан и в Эгейском мире, на Крите и Кикладских островах³². Нет движения этой культуры в восточном направлении за пределы ее первоначального распространения — к Кавказу и Волге, где следовало бы предположить миграции индоиранских племен, если исходить из Балкан как территории первоначального распространения общеиндоевропейского языка и древнебалканской культуры как культуры его

³⁰ Ср. *Гуришман*. Ук. соч., с. 143.

³¹ См. *Diakonoff I. M. Earliest Semites in Asia. Agriculture and Animal Husbandry According to Linguistic Data (VIII—IVth millennia B. C.)*. — *Altorientalische Forschungen*, VIII, B., 1981, p. 23—74.

³² Ср. *Gimbutas M. Old Europe in the Fifth Millennium B. C.: The European Situation on the Arrival of Indo-Europeans*. — In: *The Indo-Europeans in the Fourth and Third Millennia*, p. 1—60. Можно предположить, что именно древнебалканская письменность послужила основой для доиндоевропейских письмен Эгейского мира, в частности для критской иероглифики и линейной письменности А, неиндоевропейский характер языка которой не вызывает сомнений у большинства исследователей.

носителей. Более того, нет движения этой культуры и на запад Европы, куда бы следовало вывести с Балкан носителей «древнеевропейских» диалектов, если принять предположение о балканской прародине древних индоевропейцев. Западная и Центральная Европа еще долго после гибели древнебалканских культур в IV тыс. до н. э. остается неиндоевропейской, возможно вплоть до II тыс. до н. э., когда начинается постепенное распространение по Европе «древнеевропейских» диалектов — процесс «индоевропеизации» Европы. Остается, следовательно, непонятным, где находились носители индоевропейских диалектов после гибели древнебалканской культуры, следы которой не обнаруживаются ни на западе, ни на востоке от этой культуры, и откуда должны были прийти при таком допущении во II тыс. до н. э. в Центральную и Западную Европу носители «древнеевропейских» диалектов.

Все эти хронологические, палеогеографические и культурно-исторические трудности снимаются при локализации праиндоевропейского языка в определенном ареале Передней Азии при выведении носителей «древнеевропейских» диалектов из Восточной Европы в ареале от Северного Причерноморья до Волги и Приуралья, куда эти диалекты должны были попасть в результате перемещений через Среднюю Азию. Именно с этих территорий носители «древнеевропейских» диалектов, культура которых археологически соотносима с «курганной» или «древнеямной» культурой, распространяются в более западном направлении³³, как бы предвосхищая те движения индоевропейских племен с Востока на Запад, которые позднее, уже в историческое время неоднократно совершались иранскими племенами, шедшими из Средней Азии и доходившими до Центральной Европы (скифы и другие восточноиранские племена)³⁴.

Это направление миграций «древнеевропейских» диалектов И. М. Дьяконовым полностью отвергается, очевидно, скорее всего из-за полусознательных укоренившихся предрассудков о первоначальных генетических признаках индоевропейской расы как белокурых светлоглазых долихоцефалов (в этом И. М. Дьяконов, по-видимому, солидаризуется

³³ Ранние волны этих миграций и приводят, очевидно, к гибели древнебалканской культуры IV тыс. до н. э. (ср. *Gimbutas. Op. cit.*, p. 18 ff.). Носители древнеямной культуры постепенно проникают на Балканы (ср. *Титов В. С.* К изучению миграций бронзового века. — В кн.: *Археология Старого и Нового Света. М., 1982, с. 138*), а позднее распространяются на север и запад, разрушая мегалитические культуры исконных доиндоевропейских обитателей Европы, следы которых сохраняются лишь на крайне западной периферии.

³⁴ Кстати, в этой связи надо заметить, что И. М. Дьяконов, несколько иронически отзывающийся о «проведении ярких цветных стрел через доли и горы» (II, с. 30), которые представляют (как это принято при изображении траектории всякого рода движений) миграции племен-носителей определенных диалектов, сам их охотно применяет на предлагаемых им схемах миграций индоевропейских племен, однако без должного учета конкретной историко-географической среды. Предлагаемые в статье И. М. Дьяконова и обозначаемые им стрелками на приложенных к ней картах траектории движения носителей диалектов не находят подтверждения и с точки зрения археологического, культурно-исторического, а также топонимического материалов, относящихся к соответствующим регионам. В частности, остается ничем не подтверждаемым гипотетическое движение прадохарского и индоиранского с территорий современной Румынии в северо-восточном направлении через Днепр. Еще менее оправдано помещение в Центральной Европе на всем протяжении с севера на юг уже в III тыс. до н. э. носителей «балто-славянского», «германского», «кельтского», «италийского» (см. на карте-схеме 2 в статье И. М. Дьяконова соответственно стрелки 2, 3, 4, 5). Что же касается стрелки 11 на этой карте, показывающей движение «протоармянского» из центра Малой Азии на восток, то именно в этом пункте мы не видим особенно существенных расхождений с выдвигаемой нами точкой зрения, по которой протоармяне выделились из греко-армяно-арийской диалектной общности, сместившейся до этого в западном направлении с первоначальной территории расселения общеиндоевропейских племен. Отсюда уже обособившиеся после отделения греческого и арийского «протоармяне» мигрируют в восточном направлении на территории исторического их расселения, где они наслаиваются на хуррито-урартский этнический субстрат. Поэтому вызывает недоумение искажение (надеюсь, невольное) нашей точки зрения об «автохтонности» протоармян.

с Л. А. Лелековым, см. II, с. 33—34). Вызывает удивление при этом, что наша точка зрения по вопросам соотношения языка и расы по существу искажена во всем рассуждении о «доминантности признака черноглазости и рецессивности признака голубоглазости» (II, с. 18).

У нас всегда особо оговаривается, что в конечном счете рассматриваются не столько движения *носителей* диалектов-этносов, сколько движения самих *диалектов*, наслаивающихся на различные этносы. Движения и территориальные перемещения диалектов возникают в результате начального движения и перемещения определенной части этноса, передающего свой язык другому этносу, возможно, в расовом отношении отличному от него.

Конечно, определенная часть этноса переходит с одной территории на другую, но не заполняет вакуум, а вливается в местное население этих областей, меняя часто их языковые и некоторые другие характеристики³⁵. При повторных волнах такого процесса и возникает траектория первоначального движения диалекта с территории его более древнего распространения. В этом смысле было бы правильнее говорить о траектории движения диалектов, а не носителей диалектов. Эти элементарные понятия этнолингвистики не требуют особых оговорок и являются исходными при всех наших построениях, в том числе и при определении траектории движения «древнеевропейских» диалектов. А такое движение этих диалектов из Передней Азии в Среднюю Азию и далее в западном направлении вполне реально и подтверждается многочисленными и широко известными следами культурно-исторических (мифологических) и языковых контактов этих племен с алтайским миром. Что же касается приводимых нами лексических следов контактов германских языков с алтайскими и енисейскими, то и тут, как и в случае индоевропейско-семитских и индо-

³⁵ В свете этих положений рассуждения И. М. Дьяконова о доминантности гена «темноглазости» и рецессивности гена «светлоглазости» утрачивают свое значение. Все зависит в конечном счете от того, какое количество пришлых «темноглазых» племен влилось в массу местной «светлоглазой» популяции. У темноглазого и светлоглазого родителей появляется темноглазый потомок, характеризующийся, однако, генотипически гетерозиготностью. Такой темноглазый потомок является в то же время носителем гена «светлоглазости», который и может проявиться в фенотипе следующего поколения (при утере гена «темноглазости» и возникновении в нем гомозиготной аллели с обоими генами «светлоглазости»). Таким образом, «светлоглазая» доиндоевропейская популяция некоторых ареалов исторической Европы, в основном северных ее регионов, могла остаться преимущественно «светлоглазой» даже после проникновения в эти регионы «темноглазой» популяции пришлых завоевателей — носителей древних индоевропейских диалектов и перехода местного населения после определенного периода двуязычия на новый язык. При этом следует заметить, что уже в праиндоевропейскую эпоху, т. е. в эпоху общности индоевропейского языка, племена, на нем говорившие, не могли быть этнически однородной и компактной массой и представляли собой, очевидно, продукт более ранних процессов смешения и ассимиляции различных этносов, предшествовавших самому процессу формирования праиндоевропейского языка. В этом отношении по поводу праиндоевропейского языка следует говорить в общем в тех же терминах, что и в отношении любого отдельного языка исторического периода: его носители никогда не являются однородными в этническом (а часто и расовом) отношении. А между тем другой наш оппонент, Л. А. Лелеков, по-видимому, все еще находится в плену старых и давно уже изжитых представлений об индоевропейцах как о нордическом антропологическом типе белокурых и голубоглазых «арийцев», что якобы подтверждается и данными древних литературных памятников (с. 33 сл.). Некоторая идеализация светлого цвета кожи и волос, наблюдаемая в древнеиндийской и отчасти греческой традициях (ср., например, характеристику бога Индры как «светлого» божества и др.), указывает скорее на редковстречаемость, исключительность и фенотипическую маркированность данного антропологического типа среди древнейших племен-носителей ранних индоевропейских диалектов и диалектных объединений и не может быть, конечно, истолкована, как того хотелось бы Л. А. Лелекову, как некая реминисценция некоторых общих антропологических характеристик их предков, говоривших на праиндоевропейском языке. Можно было бы привести в этой связи и факт особой символической значимости «белого цвета» в различных древних индоевропейских традициях, соотносимого с определенной социальной организацией древнеиндоевропейских племен, но это опять-таки не дало бы оснований усмотреть при этом прямую связь с первоначальным цветом их кожи и волос.

европейско-картвельских параллелей, необходимо учитывать как общие закономерности контактов, так и историю отдельных языковых фактов. Следует заметить, что в алтайской форме *maq-, обозначающей 'лошадь' и заимствованной «древнеевропейскими» языками (за исключением итальянских: ср. др.-англ. *meaht*, др.-в. нем. *mahta*, др.-ирл. *mac* 'лошадь, конь' при сохранении древнеиндоевропейского слова *equus* в латинском), элемент -q- является не индоевропейским суффиксом, как ошибочно полагает И. М. Дьяконов, «иронизируя» над возможностью такого заимствования³⁶ (II, с. 12), а уменьшительным суффиксом в самом алтайском³⁷.

Этот пример довольно показателен и для характеристики способа оценки приводимых нами лексических сопоставлений из разных языков, на основании которых И. М. Дьяконов пытается опровергнуть основные положения о траекториях таких миграций, но при этом невольно добавляя аргументы в пользу наших же соположений. Так, например, желая отрицать приводимое нами сопоставление, предлагавшееся уже Покорным и Карльгреном, кит. **lac* 'молоко' с лат. *lac*, род. п. *lactis* 'молоко', наш оппонент приводит со ссылкой на С. Е. Яхонтова древнейшую реконструируемую форму **Grag* «молочный продукт», оборачивающуюся против его же сомнений в индоевропейском заимствованном характере этого китайского слова. Ведь древнее индоевропейское диалектное слово для 'молочного продукта' восстанавливается именно в форме **glak-* (хет. *galaktar* 'сок растения', лат. **glas-* > *lac* и др.). Все приведенные нами выше примеры говорят о том, насколько нужно быть осторожным в оценке и разборе лингвистических построений. Ставя перед собой задачу изложить наши построения читателям исторического журнала (I, с. 4), автор должен был бы осторожно отнестись и к передаче собственно лингвистической сути нашей концепции, в особенности в части, касающейся классификации диалектов *centum-satem* и наличия палатализованного ряда, где, по ошибочному утверждению И. М. Дьяконова, авторы изменили свою прежнюю точку зрения. Между тем никакого «изменения» прежней точки зрения не было, а речь шла об изложении двух разных аспектов теории индоевропейских смычных фонем (в первых статьях разбирались серии смычных, по отношению к которым нерелевантен вопрос о «гutturальных», проблема которых разбиралась позднее в специальных работах). При этом следует отметить неадекватное изложение той точки зрения о *centum-satem*-ном распределении индоевропейских диалектов, которое излагается в наших статьях, разбираемых И. М. Дьяконовым.

Отрицая существование в праиндоевропейской системе смычных палатализованного ряда как самостоятельных фонем, что выводится нами на основании чисто структурных особенностей построения индоевропейского корня (закон несовместимости в корне двух смычных одного и того же ряда), И. М. Дьяконов считает большинство приводимых для иллюстрации этого положения корней трехсогласными (корни типа **k'eik-*) (I, с. 5). Но, во-первых, корни этого типа не могут считаться «трехсогласными» по той простой причине, что неслоговой элемент *i* или *u* в них является не «согласным», а сонантом в неслоговой функции, а, во-вторых, — и это главное — у нас приводится целый ряд двухсогласных корней структуры *C₁VC₂-* и они-то и являются наиболее показательными для обоснования наличия в системе палатализованного ряда «гutturальных»

³⁶ Типологическую возможность такого заимствования слова при полном вытеснении (или лишь частичном сохранении) более ранней формы с идентичным (или аналогичным) значением можно проиллюстрировать на примере романских языков. В этих последних слова для 'лошади' продолжают не латинскую форму *equus*, отражающую общеиндоевропейское название 'лошади' *ek^[h]os*, а восходят к форме **caballus* с тем же значением, заменившей лат. *equus*.

³⁷ См. Новикова К. А. Названия домашних животных в тунгусо-маньчжурских языках. — В кн.: Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979, с. 53—134.

совместно с нейтральным велярным рядом и рядом лабиовелярных фонем. Совершенно неприемлемы рассуждения И. М. Дьяконова о четырех последовательных состояниях в развитии индоевропейских диалектов. При этом «состояние I», которое могло характеризоваться наличием глухого глоттализованного ряда взрывных согласных, а также так называемых «ларингальных» согласных, следует отнести, по И. М. Дьяконову, ко времени, предшествующему собственно праиндоевропейскому языку, т. е. тому языку, который уже стоял на грани распада на отдельные диалекты, явившиеся праязыками позднейших ветвей индоевропейской семьи (I, с. 9). Спрашивается, на каком основании вводится в таком случае вообще это «состояние I», которое якобы предшествовало «собственно праиндоевропейскому языку»? Постулирование подобного состояния оставляет фактически в силе, ничего не меняя, традиционные построения праиндоевропейского консонантизма, уже давно отмечавшиеся структурно-типологические слабости которого и вызвали необходимость его реинтерпретации и полной перестройки в соответствии с новейшими достижениями лингвистической науки. Такая реинтерпретация праиндоевропейского консонантизма несомненно вызовет перестройку традиционных сравнительно-исторических построений и ломку прежних воззрений на развитие отдельных групп индоевропейских диалектов, в том числе и тех, которых придерживается и наш оппонент. В связи с этим было бы тут уместно привести слова лингвиста Ф. Больди, который в своем обзоре этих новых воззрений говорит буквально следующее: «Ясно, что глоттальная теория³⁸ представляет собой новую парадигму в индоевропейском языкознании, сравнимую по масштабам с ларингальной теорией, и принятие этой теории приведет к необходимости полного пересмотра всех основ индоевропейского языкознания... Тот факт, что это потребует радикальной переработки всех словарей и руководств, так же как и отмены таких освященных временем общепринятых положений, как «Закон Гримма» и армянское передвижение согласных, не может служить оправданием для того, чтобы от этой теории отказаться»³⁹. Нам кажется, что эти слова могли бы быть применены и к характеристике позиции И. М. Дьяконова в данном вопросе⁴⁰.

³⁸ Так именуется система этих воззрений на праиндоевропейский консонантизм с серией глоттализованных согласных в зарубежной науке.

³⁹ Baldi Ph. Рец. на: Festschrift for O. Szemerényi. — General Linguistics. 1981, p. 52—53.

⁴⁰ С такой позицией И. М. Дьяконова в данном вопросе фактически солидаризируется и Г. Б. Джаукян в недавно вышедшей статье, касающейся проблемы наличия звонких смычных в индоевропейском (см. Джаукян Г. Б. Индоевропейская фонема *b и вопросы реконструкции индоевропейского консонантизма. — Вопросы языкознания, 1982, № 5, с. 59—67). В статье предпринята попытка «провергнуть» давно уже установленный в индоевропеистике тезис о слабости индоевропейской звонкой фонемы *b. Известная работа Х. Педерсена (Pedersen H. Die gemeinindoeuropäischen und die vorindoeuropäischen Verschlusslaute. — Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab, København, 1951), специально посвященная праиндоевропейскому консонантизму и статусу фонемы b общиндоевропейском, делает излишним разбор Г. Б. Джаукяном целого ряда форм, приводимых в «доказательство» наличия начального *b в индоевропейском. С другой стороны, все формы, привлекаемые Г. Б. Джаукяном в бессистемном списке слов для иллюстрации фонемы b в начальной позиции, также ничего не доказывают, поскольку они отражают наличие звонкой лабиальной фонемы либо в ограниченном диалектном ареале (главным образом в «древнеевропейских» языках), либо они позднего происхождения и не имеют ничего общего с фонемой *b в праиндоевропейском. Ср. приведение в этом списке др.-инд. rībati, лат. bibit, др.-ирл. ibi^d 'пьет' для «иллюстрации» наличия начального *b в индоевропейском. Восстанавливается и.-е. праформа *rībati (sic!). При всем этом Г. Б. Джаукян не вполне корректно понимает связанную с разбираемым тезисом сравнительно-историческую и типологическую проблематику. Вопрос касается не отсутствия в праиндоевропейском вообще звонких смычных фонем, в том числе и звонкого лабиального b (такowymi в общиндоевропейской системе были, очевидно, так называемые «звонкие придыхательные»), а фонологической интерпретации той серии смычных, которая в классической индоевропейской теории восстанавливалась как «чистая звонкая серия» (с отсутствующим или, во всяком случае, весьма слабо представленным звонким лабиальным членом).

Статья И. М. Дьяконова заканчивается перечислением недоуменных вопросов, составляющих предмет целых разделов второй части нашей книги (ср., в частности, вопрос о последовательности волн миграций, о типе культуры на так называемой «вторичной» прародине индоевропейцев и др.). Мы хотим надеяться, что с выходом монографии, где будет представлен весь языковой и культурно-исторический материал в пользу переднеазиатской прародины индоевропейцев, даже самые рьяные противники этой точки зрения найдут возможным не только сблизиться с ней, что фактически уже сделал И. М. Дьяконов, примкнув к тезису о балканской прародине в пределах намеченного нами более широкого ареала, но и укрепить эту точку зрения новой дополнительной аргументацией.

При всех остающихся до сих пор неясными вопросах, требующих дальнейших исследований и уточнений (в частности археологических «белых пятен» на территории Средней Азии, особенно ее пустынных и северных частей⁴¹), трудности археологического, культурно-исторического и лингвистического планов, все еще сохраняющиеся при предполагаемой нами локализации общеиндоевропейского праязыка в пределах Передней Азии и миграций носителей индоевропейских диалектов, оказываются менее существенными, чем перечисленные выше непреодолимые трудности, возникающие при альтернативных решениях вопроса, включая и гипотезу о «балканской прародине» индоевропейцев.

Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов

THE PROBLEM OF THE ORIGINAL HOMELAND
OF THE SPEAKERS OF RELATED DIALECTS
AND ON THE METHODS OF ITS DETERMINATION

T. V. Gamkrelidze, V. V. Ivanov

The authors discuss the hypothesis of I. M. Diakonoff according to which the original home of Proto-Indo-European speakers may have been the Balkano-Carpathian region. The authors analyse the data that contradict the hypothesis of Diakonoff, among them semitic loan-words in Indo-European. The data seem to confirm the point of view of the authors that the original homeland of the Proto-Indo-Europeans must have been in Near East, in the region of the Halaf culture. The study of further migrations of Indo-European dialects of Europe require intensive archaeological researches of the northern parts of Central Asia.

⁴¹ В новейших археологических работах, отмечающих эти «белые пятна», все чаще формулируется точка зрения, предельно близкая к той, которая высказана авторами, ср.: «Наиболее вероятным источником, откуда производящее хозяйство могло проникнуть в пограничье европейских и азиатских степей, ... была Средняя Азия, культурное влияние которой доходило сюда через ее северную периферию и Восточный Прикаспий. Это влияние, намечающееся пока лишь по отдельным археологическим фактам, в силу слабой изученности территории, разделяющей прикаспийские степи и северную периферию Средней Азии, все-таки вполне реально и закономерно, причем прослеживается не только для времени формирования древнейшей культурной общности, но и для более поздних периодов» (*Краснов Ю. А. Об истоках пашенного земледелия в Восточной Европе. — СА, 1980, № 3, с. 22*). К сходным выводам, предполагающим движение культурных растений и новых типов сельского хозяйства с древнего Ближнего Востока через Среднюю Азию в Европу, приходит в ряде работ по исторической географии типов хозяйства Средней Азии и Б. В. Андрианов.